

12.08.2020

Биробиджанер Штерн

фото: visualrian.ru

Память о бесконечном множестве людей и судеб хранит в своих глубинах река Тунгуска

Кто не слышал о поэтической сенокосной поре, той самой, с волшебными восходами, тяжелыми росами и пьянящим запахом чуть увядшей травы?! Это сейчас сельские жители за молоком и молочными продуктами, как горожане, в магазин ходят и покупают там товары зачастую не первой свежести и неизвестно какого качества. Раньше же не было в селе двора, где не держали бы корову и не имели бы к столу домашнего молока, густой, ложку не перевернуть, сметаны и самодельного рассыпчатого творога.

Летом для большого общественного стада нанимали пастуха, а за неимением оного, пасли коров по очереди, по дворам. Соответственно, все ближайшие луга были заняты под пастбища, а места для заготовки сена искали подальше, на богатых травами угодьях вдоль берегов Тунгуски. По той причине, что охотников до не столь отдаленных покосов было немало, иногда косарям приходилось забираться достаточно далеко от дома. Единственным ограничением было неписаное правило: почти все маршруты пролегли вверх по течению реки, случись что с мотором, можно выгрести на веслах, река сама поможет.

Заготовка сена в Приамурье — дело совсем не простое. В июне зачастую стоят сушь и жара, но стоит травам набрать силу и вступить в сенокосную пору, зарядят затяжные дожди, не дающие скошенной немалыми усилиями траве высохнуть, она начинает преть, перегреваться — и корм испорчен, коровы такое сено есть не будут. Если учесть, что все взрослые были заняты на нелегком производстве (в Соцгородке это была мебельная фабрика), а пора сенокосная по времени совпадала с огородной страдой, то заготовка сена ложилась тяжелым бременем на всех способных хоть чем-то помочь в этом деле.

Мужчины, согласно поговорке «коси коса пока роса», заранее, с вечера точили и отбивали косы, вставляли затемно и начинали работу ранним утром, когда чуть начинало светать. Со стороны можно было залюбоваться тем, как красиво и легко, прямо-таки играючи двигались косари. Под четкими, как по маслу скользящими взмахами косы густые травы, казалось, сами падали и укладывались в ровные валки. На самом деле эта кажущаяся легкость была величайшим искусством, требующим к тому же большой выносливости и немалой физической силы. У новичка-неумехи коса не срезала, а кромсала траву, да еще норовила воткнуться своим острым концом в землю и сломаться.

Позже, когда солнечные лучи выпивали росу и подвяливали скошенную траву, валки ворошили, то есть переворачивали граблями на другую сторону. Это делалось для того, чтобы ускорить сушку, особенно при неустойчивой погоде. Окончательно высохшее, слегка похрустывающее зеленоватое сено сгребали в большие — сколько хватало сил — кучи. Затем наступало время тяжелой работы, в которой ребячьи руки мало чем могли помочь взрослым: уложить готовое сено в копны, переволоочь их к берегу, а там сметать в стога. В качестве тягловой силы выступали наши родители, хотя, конечно, мы, дети, работали тоже не шуточно, подбирая упавшие клоки, подгребая остатки. Всему этому «романтическому» процессу сопутствовали колючая стерня, влажная жара, комарье, сменяемое с восходом солнца мошкой, слепнями и оводами — на отсутствие гнуса Приамурье никогда не жаловалось.

Тем не менее мы всегда находили время для развлечений: поплескаться в какой-то тихой заводии или озере, наловить рыбы для наваристой ухи, пахнущей дымком и сдобренной диким луком, здесь же на лугу собранным, поваляться в траве, полюбоваться буйным цветением диких пионов в соседней релке. Да мало ли важных дел бывает у детей, когда взрослым не до них. Наверное, самое раннее воспоминание об этих днях, это когда я, вероятно, совсем малая, отошла чуть в сторону и оказалась в густой траве, утопившей меня с головой. Хотя взрослые были буквально в нескольких шагах от меня, но свою беспомощность, обуявший ужас, чувство, что никто и никогда не отыщет меня и не поможет выбраться из этого страшного сказочного леса, я помню до сих пор. Но несмотря ни на что мы любили эту пору. Немаловажным было то, что на покос, как правило, выезжали вместе с соседскими семьями, с которыми родители были дружны. Всегда суровый дядя Клавдий и шумный, немного балаганистый дядя Валя и их домочадцы всегда были рядом, в труде и обязательном после окончания страды отдыхе, с выездом на косу всей братией, с рыбалкой, ухой и всякими другими мелкими радостями. Таким образом, среди многочисленной детской компании всегда находились единомышленники, готовые поучаствовать в претворении в жизнь важных и неотложных идей и дел, которых в наших головах рождалось множество, и, надо признаться, не всегда они были благоразумны и безопасны. Когда основная работа была позади и взрослые могли немного расслабиться, все дружно рассаживались вокруг расстеленной прямо на траве скатерти с немудреной, наспех собранной едой. Мы получали удовольствие от общего разговора, шуток и просто от того, что вечно занятые родители в это непродолжительное время дневного отдыха были рядом.

Но накосить сено и сметать его в стога было только частью работы. Предстояло еще перегрузить это сено на огромные лодки — баркасы, связанные попарно между собой, и перевезти по Тунгуске к подножию сопки на берег протоки, а затем, наконец, доставить домой. Только когда стог водружался на задворках у сарая, можно было вздохнуть спокойно. Все эти многочисленные операции по перевозке и перекладыванию стогов совершались при помощи человеческих мускулов, вил и грабель, техники, разумеется, не было никакой. К тому же своенравная Тунгуска никогда не давала забыть, кто здесь, на реке, главный. Результат многодневного изнурительного труда мог быть уничтожен в один момент стремительным подъемом воды, иногда сено выхватывали прямо под носом у разливающейся стихии. Сама перевозка по реке тоже таила опасности.

Требовалось уложить сено на баркасы так, чтобы не нарушилось их равновесие, иначе стог мог сползти в воду или утопить лодки. Поэтому эта работа доверялась только самым опытным и умелым. Затем баркасы цеплялись за лодку с мотором и неспешно тащились вниз по реке по направлению к дому. Когда малосильную чихающую «Стрелу» сменил «Ветерок», а затем и более мощный «Вихрь», это уже было чудом скорости и цивилизации. Особым искусством было умение ювелирно точно направить тяжело нагруженный, болтающийся на подвижном тросе огромный стог с просторов Тунгуски в узкую извилистую протоку, ведущую к подножию сопки. Для нас высшим удовольствием были моменты, когда родители позволяли нам взбираться на вершину стога и с высоты взирать на проплывающие мимо берега. Как я сейчас понимаю, такой способ нашего передвижения был авантюрным и смертельно опасным. Мы клятвенно обещали на верху стога не баловаться и держали свое слово. Но если бы мы нырнули в воду вместе с сеном, даже неплохо умея держаться на воде, выбраться вряд ли смогли бы. О спасательных жилетах тогда никто не знал и не думал, а социальных служб, к счастью для нас и родителей, в помине не было.

Случаи, когда сено тонуло, напротив, бывали. Главным действующим лицом одного из них был наш дядя Константин. Он был старше отца на восемь лет, всегда спокойный, мудрый и рассудительный. Однажды при подобной перевозке сена, когда из-за поворота реки уже показалась сопка, на которой раскинулся поселок, и дом был близок, он с облегчением сказал сидевшей рядом жене: «Считай, Маруся, сено дома». Надо же было случиться, что именно в это время ползущие тяжелой черепахой баркасы обогнал катер. Расходящиеся от него волны резко накренили лодку, с таким трудом заготовленное сено поплыло по реке. Онемевшим хозяевам оставалось только проследить горестными взглядами его медленное, но неуклонное погружение в глубину вод. Изнурительно тяжелую работу нужно было начинать сначала.

С тех пор, когда в нашей семье кто-нибудь, как говорится, бежал впереди паровоза, начиная подводить итоги еще не оконченным делам, его возвращали на землю одной фразой: «Считай, Маруся, сено дома».

Тунгуска – река на Дальнем Востоке, левый приток Амура

Автор: Елена Марундик, Израиль